

конкурс
Экономическим
кафедрам
дадут оценку
ВЫБЕРУТ
ЛУЧШИХ

Андрей Прокофьев

О ТОМ, что экономистов в Рос-сии примерно столько же, сколь-ко юристов, и среди них многие не имеют хорошей квалифика-ции, знает любой обыватель. И немудрено: совсем недалеко ушли те времена, когда любой вуз уездного города принимался под-зарабатывать на студентах—эко-номистах и сопутствующих им юристах.

Чтобы затормозить нашествие в статистику высшего обра-зования псевдоэкономистов, Вольное экономическое общест-во России уже 10 лет проводит Всероссийский конкурс кафедр и образовательных программ «Экономика и управление».

6 июня конкурс «Экономика и управление—2016» выявит луч-шие экономические кафедры и образовательные программы из сотен участников. В оценке дела-ется особый акцент на том, на-сколько эффективно использу-ются инновации, соответствую-щие мировым стандартам, при подготовке специалистов. В ка-кой мере можно говорить о том, что вуз или кафедра делают всё, чтобы специалист был востребо-ван на современном рынке тру-да—это еще один аспект оценки работы участников конкурса. Как интегрируются наука и обра-зование, насколько развита прак-тика, как активно привлекаются к преподаванию работодатели, в том числе из бизнеса,—всё это важно для жюри.

Конкурс «Экономика и управление - 2016» выявит лучшие экономические кафедры и образовательные программы из сотен участников

Таким образом ВЭО России выявляет лучшие экономические кафедры и, что не менее важно, наиболее действенные образова-тельные программы высшего экономического образования. Тут цель проста: «сертифициро-ванные» ВЭО России програм-мы победители можно будет без особого труда взять на вооруже-ние любому вузу.

Конкурс с недавнего времени имеет особую «матричную» структуру—он проводится по но-минациям и направлениям, что позволяет оценить не только раз-личные аспекты подготовки ка-федрами специалистов, но и учесть специфику этой работы в разных сферах экономической деятельности.

Важный нюанс еще и в том, что награждают конкретные ка-федр, а не университет в целом, то есть это еще и весьма точеч-ный анализ вузовской работы. Например, в прошлом году в сво-ей номинации победила кафедра управленческого и финансового учета и отчетности Санкт-Петербургского государственного эконо-мического университета. А вот в области маркетинга и PR пер-вой оказалась кафедра междуна-родного маркетинга и торговли Владивостокского государствен-ного университета экономики и сервиса. И т.д., в общей сложнос-ти всего 10 номинаций. Подоб-ный же специализированный подход по различным направле-ниям—экономика предприятий и организаций, государственное и муниципальное управление, финан-совый менеджмент и многие другие, на нынешнем конкурсе их около двадцати—использует-ся и при оценке образовательных программ. ВЭО России вручает и специальные награды за отдель-ные особые достижения, а также выделяет наиболее передовых руководителей вузов, кафедр, от-дельных преподавателей-эконо-мистов.

Подобного рода оценка име-нитой общественной организа-ции всегда вызывает большой ин-терес у участников—это полезно и для разного рода будущих ква-лификаций вузов, и для привле-чения талантливых абитуриен-тов, так что среди участников конкурса всегда фигурируют и лучшие региональные универси-теты, и уже признанные всеми столицы экономического образо-вания.

Точка зрения
Сергей Бодрунов: В Россию вернется планирование экономики

Новый поворот

АЛЕКСАНДР ДАВЫДОВИЧ / ТАСС

Игорь Зубков

В стране возникла воз-можность принципи-ального поворота в эконо-мике — возврата к приоритету развития промышленности, но на совер-шенно новой технологической основе, считает президент Вольного экономического общества Рос-сии, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте Сергей Бодрунов. В преддверии Петербургского междуна-родного экономического фору-ма он дал интервью «Россий-ской газете». И рассказал, что нужно, чтобы к 2030-м годам эконо-мика России оказалась в числе лидеров.

Сергей Дмитриевич, как вы оце-ниваете подготовленные предло-жения по переходу к новой эконо-мической модели?

сЕРГЕЙ БОДРУНОВ: Для меня очень важно, что разработчики всех ос-новных конкурирующих про-грамм — минэкономразвития, группы Алексея Леонидовича Кудрина, Столыпинского клуба—к чис-лу основных идей относят при-оритет индустриального развития. Это то, что и институт, и многие наши единомышленники в Воль-ном экономическом обществе России предлагают многие годы.

Почему? Во-первых, наша эконо-мика устроена таким образом,

Акцент

Будущее России связано с промышленностью, а не с распродажей природных ресурсов, финансами, туризмом или чем-то еще

что она не может не быть ориенти-рована на сектор материального производства. Он придает эконо-мике устойчивость, а это как раз то, чего ей не хватает в свете зави-симости от конъюнктуры цен на нефть, газ, металлы. Будущее Рос-сии связано с промышленностью, а не с распродажей природных ре-сурсов, финансами, туризмом или чем-то еще.

Второе—важно, что в центре внимания всех основных экспер-тных центров оказались техноло-гический прогресс, инновации. Экономическими лидерами буду-щего будут исключительно лиде-ры технологические. Именно поэ-тому нам еще до всяких санкций не продавали действительно важ-ные технологии.

И третье—технологические решения сегодня позволяли обеспечить развитие не только материальной компоненты, но и

уровня доверия, к примеру, изби-рательной системе.

А как быть с непредсказуемо-стью внешней среды? Мы плани-руем на годы вперед, но не мо-жем угадать, что будет завтра. Разве кто-то предвидел санкции и обвал цен на нефть, например?

сЕРГЕЙ БОДРУНОВ: Тому, кто знает от-вет на этот вопрос, я бы сразу по-ставил памятник. Экономика — система с таким количеством по-стоянно меняющихся элементов и связей, что просчитать все на сто процентов далеко вперед сегодня невозможно. Этим, увы, экономис-ты отличаются от физиков и ма-тематиков.

Да нет и единства в понимании синергии этого множества факто-ров. Одни, как Сергей Глазьев (по-мощник президента РФ.—Прим. ред.), утверждают, что если мы до-бавим денег в экономику, то суме-ем решить многие проблемы ре-ального сектора. Во многом мож-но согласиться. Другие стоят на позиции Банка России, который говорит: да не дадим мы этих де-нег, потому что ничего, кроме рас-кручивания инфляции и вывода денег за рубеж, не получим. ЦБ от-вечает за это. Так что, несмотря на противоположные взгляды на этот вопрос, очевидно, что у тех и у других своя правда.

Получается, любой долгосрочный план обречен на невыполнение.

Впишется ли наша экономика в новый поворот — возврат к при-оритету развития промышленности на новой технологической основе?

сЕРГЕЙ БОДРУНОВ: Да нет, я уверен, что реализовать долгосрочный план можно, секреты просты до безобразия. Конечно, в его осно-ве должны быть две принципи-альные вещи — правильная кон-цепция и верные цели, чем, соб-ственно, упомянутые уважаемые эксперты и озабочены. Но, чтобы вместо красивого павлина не по-лучился в итоге ободранный пе-тух, любой программе нужен не только четкий список всей це-почки последовательных шагов (его еще предстоит создать), но и механизмы дееспособной рабо-ты — контроля и разумной кор-ректировки на случай изменения ситуации в реальной экономике, что как раз будет возникать в силу самой ее природы.

Если же мы будем саркастиче-ся от одной идеи к другой, ничего не будет. Чтобы вот это не повтори-лось, обществу нужен консенсус по модели экономики. Все долж-ны понимать: вот так и так мы бу-дем действовать в ближайшие годы, а не иначе.

Чем-то похоже на пятилетнее планирование, нет?

сЕРГЕЙ БОДРУНОВ: К разумному пла-нированию обращается весь мир, не только крупные корпорации.

→A3

МНЕНИЕ
Что дал и отнял
Октябрь отечеству и миру
Невыученные
уроки

Руслан Гринберг,

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН

СТО лет назад в Рос-сии произошли экс-траординарные со-бытия. Как оцени-вать революцию 1917 года? Что дал и отнял Октябрь при-менительно к оте-честву и остальному миру. Сначала о мире. Практически не оспаривается те-зис о том, что россий-ский порыв к спра-ведливости оказал серьезное влияние на социальную полити-ку стран классиче-ского капитализма. То есть установка на равенство, которую декларировала Ок-тябрьская револю-ция, быстро приобрела европейскую, если не всемирную популярность. Социальность—первое благо, которое при-несла Октябрьская революция.

Второе. Подрыв и уничтожение колониальной систе-мы — тоже результат существования СССР и его попытки обеспечить равновесие всех народов.

Третье. Внедрение цивилизационных институтов и цивилизационных форм жизни в Центральной Азии. Практически безвозмездно СССР осуществил грандиоз-ную цивилизационную миссию в этом ранее абсолютно отсталом регионе и превратил его в несколько эконо-мически приличных государств с развитым для того време-ни образованием, здравоохранением, наукой и культу-рой.

Четвертое. Китай. Сегодня он все больше будет опре-делять повестку жизни человечества в целом. Напомню, очень важный факт: СССР практически безвозмездно создал материально-техническую базу экономики Китая в пятидесятые годы, что, конечно, тоже удивительное до-стижение Советского Союза.

Теперь о невыученных уроках. Как известно, россий-ская интеллигенция страдает некими пороками, кото-рые не удалось изжить за эти сто лет, и сегодня наши беды — и экономические, и социальные—можно связы-вать исключительно с этими, можно сказать, генетиче-скими особенностями. Одна из них—онтологизации тео-ретических схем. На простом языке это означает, что мы свято верим во всемогущество теорий и, если представ-ляется такая возможность, пытаемся внедрить их в жизнь, несмотря на сопротивление несогласных с ними. Я это называю принуждением к счастью. В сущности, речь идет о том, что в 1917 году мы взяли курс на спра-ведливость. Тогда вся планета была беременна спросом на справедливость, и указавшая капиталистическая действительность того времени требовала ее. Россия и совершила скачок к этой справедливости, полностью, повторю, проигнорировав свободу, хотя марксизм уже претерпел к тому времени заметную эволюцию. Все большее влияние получали в начале XX века его отдель-ные течения, указывавшие на возможность мирного врас-тания капитализма в социализм. Но у нас, как правило, побеждают крайности. Вот и в данном случае в октябре 1917 года победила крайне левая доктрина в мировоз-зренческом арсенале Запада, воплотившись в России в форме отвергающего коммерческие отношения «воен-ного коммунизма».

Нечто подобное произошло и в начале 90-х, когда по-сле семидесяти лет коллективного молчания мы, полу-чив свободу практически из рук одного человека, оши-бочно решили, что она и есть справедливость, и воспри-няли ее как необходимое и достаточное условие сытой и цивилизованной жизни, по-ребячески уверовав в то, что колбаса вырастет прямо из свободы. Это, конечно, было большой ошибкой, ставшей следствием до сих пор не изжитой склонности к онтологизации теоретических схем.

Не можем мы до сих пор избавиться и от нетерпения в русском демократическом движении, которое берет на-чало еще от народолюбцев, а отчасти и от декабристов. Нам кажется, что справедливое общество можно создать одним махом.

Нельзя не сказать и об абсолютно ненормальном от-ношении к Западу, которое можно кратко охарактери-зовать как смесь комплекса неполноценности и мании величия. Силошь и рядом россияне воспринимают Запад только в черно-белом формате или в бинарной логике «любовь-ненависть». Непредвзятые сбалансированное деловое отношение к нему редкость. Мы, например, в конце восьмидесятых годов безоговорочно принимали все рекомендации, которые давал Запад, причем выпол-няли то, что они говорят, а не то, что они делают, хотя между первым и вторым была большая разница. Наш ка-питализм оказался особенно зверским, поскольку при-нял установку на демонтаж всего того «социального», что было при советской власти. Казалось, что самодее-тельность народа приведет к цивилизованному разви-тию общества, на самом деле она вылилась в простой хаос, а в результате народ через некоторое время после начала очередной смуты устал от свободы и предъявил спрос на «закон и порядок».

Еще один порок нашей ментальности—тотальное от-сутствие договороспособности. Как и в 1917 году не было стремления найти точки соприкосновения раз-ных политических сил, так и сегодня у нас экспертные сообщества носят абсолютно сектантский характер. Культура диалога, культура компромисса, культура кон-сенсуса практически на нуле. Отсюда совершенно есте-ственна тоска по твердой, сильной руке, которая только и может решить проблемы развития страны. И вот здесь таится большая угроза: если авторитаризм продолжат-ся достаточно долго, то стабильность превращается в за-стой. Это константа российской истории. Авторитария приносит какой-то порядок, проходит время—она надо-едает, возникает стремление к разному рода либеральным перестройкам. А когда побеждает либеральная доктри-на, в результате ее реализации страна впадает в очеред-ной хаос, и тогда опять возникает тоска по сильной руке —и все начинается сначала.

Эту дурную бесконечность необходимо преодолеть. И здесь велика ответственность не только власти, но и об-щества. При этом найти выход можно только на основе объективных научных и общественно-научных дискус-сий, обеспечив прозрачность и качество принятия реше-ния, что возможно только через механизмы демократи-ческих институтов.

Руслан Гринберг: гражданская война в головах современных россиян не закончилась.

Первые ученые провели свое собрание в Кембридже в 1209 году.

PHOTO PRESS